

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2021

С.Д. Бодрунов¹, М.И. Воейков²

ГОСУДАРСТВО, НООНОМИКА И ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ*

Ключевые слова: *Государство, новая экономика, ноономика, технологический уклад, рыночное регулирование, общественная полезность, политическая экономия.*

Введение

Долгое время в нашей научной литературе, и не только нашей, считалось, что государство всего лишь политическая форма экономического процесса. Государство по этой логике не должно непосредственно регулировать производство и обмен товаров. Правильная, т.е. спонтанная рыночная экономика отводит государству роль «ночного сторожа». Такова была старая позиция экономической теории, которая упорно воспроизводится и сегодня в либеральной экономической концепции. Так, или примерно так, считалось непреложной истиной довольно продолжительное время.

Однако, к сегодняшнему дню мировая экономика существенно изменилась. Сегодня можно обнаружить существенные трансформации экономик западных стран. В этих экономиках господствующее положение занимает не стихийный рынок, а государственное регулирование многих сторон жизни общества и прежде всего, конечно, экономического развития. Таким образом, современная экономика не сводится к простому обмену между отдельными производителями и потребителями, а есть сложная процедура совмещения интересов отдельных людей с общественными целями развития. Иными словами, не максимизация прибыли, что было и является целью индивидуального производителя, а полезность для всего общества сегодня становится целью всего общественного производства. При этом нынешняя пандемия, к примеру, убедительно продемонстрировала ключевую роль государства в сохранении здоровья людей, что, по сути, и есть самая

¹ **Бодрунов Сергей Дмитриевич**, д.э.н., профессор, Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Москва, Россия (inir@inir.ru).

² **Воейков Михаил Илларионович**, д.э.н., профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, Москва, Россия (mvok1943@mail.ru).

***Цитирование:** Бодрунов С.Д., Воейков М.А. (2021). Государство, ноономика и постклассическая политэкономия // Вопросы политической экономии. № 4 (28). С. 22-37.

DOI: <https://zenodo.org/record/5838322>

важнейшая общественная полезность. Пандемия при этом наглядно подтвердила, что значение частного бизнеса и «спонтанного» экономического развития сильно снижается и уходит в прошлое.

В рамках этого дискурса, естественно, встает проблема о взаимоотношении общества и государства. Отражает ли государство достаточно полно интересы всего общества или только какой-то его части, не узурпировала ли элита общества государственную власть, не стала ли считать общественные интересы своими собственными или выдавать свои интересы за общественные?

Эти и подобные вопросы продолжают быть открытыми и, наверно, весьма спорными.

Однако общество не имеет иного механизма и формы своей собственной самоорганизации, кроме государства. Итак, нынешнее государство, взявшись за глубокое экономическое регулирование и тем самым погрузившись в экономику, постепенно превращается в экономическую категорию и становится предметом изучения экономической теории и в том числе – политической экономии.

Государство

Представители социальных наук государство как правило трактуют в качестве политической формы общества. Это касается и экономической науки, ибо последняя не изучает политические формы общества. Но за последний век в мире произошли существенные перемены. Сегодня государство превратилось почти в главное действующее лицо на экономическом поле и тем самым перестает быть только политической формой. Экономические функции государства превращают его в экономическую категорию и, стало быть, в предмет изучения политической экономии.

Либеральная экономическая концепция старается минимизировать экономические функции государства и оставить его только в роли «ночного сторожа». «Основная идея классического либерализма, – пишет Ноам Хомский, – заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных» (Хомский, 2012. С. 11). Новые подходы в экономической теории считают наоборот, что государство есть существенный механизм получения не только экономической, но и общественной эффективности. Таким образом, государство превращается в экономическую категорию, что непосредственно касается и политической экономии. Так, например, «экономикс», изучая экономические функции государства, способствует совершенствованию функциональных связей в производстве, то иная задача ложится на политическую экономию. Последняя должна объяснить процесс погружения государства в экономику и, прежде всего, ответить на важный вопрос: почему это происходит.

Когда-то, возможно, государство, как особая форма самоорганизации общества, не вторгалось в экономический процесс, и либералы стремятся законсервировать нравы и механизмы далекого периода. Действительно, во времена Адама Смита государство было не большим и весьма ограниченным в своих экономических функциях. Однако и экономика тогда была меньше и значительно проще. Рост государства за XX век – это спонтанный, стихийный процесс, что любят и за что бьются либеральные экономисты. Стихийность в экономике либералам нравится, а вот конкретный продукт этой стихийности, что отражается в значительной роли

государства в экономике, им не нравится. На ветхость либеральной концепции еще в конце XIX века указал Г.В. Плеханов «Для экономистов отсталой школы ... талисманом служит прелестный девиз: *“невмешательство государства”*» (Плеханов, 1956. С. 301). Заметим в скобках, что зачастую в наших университетах идеи этих «отсталых экономистов» выдают за современную экономическую мысль. И наши либералы без устали их повторяют. Вот, например, что писал Е. Гайдар: «Государство должно...обеспечить неприкосновенность частной собственности, произвести разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником, субъектом экономических отношений в стране» (Гайдар, 1995. С. 189).

Но вот на что указывал крупнейший западный философ К.Поппер еще в середине 1940-х гг.: «Принцип государственного невмешательства в экономику – принцип, на котором основывается не ограниченная законодательно экономическая система капитализма, должен быть отброшен. Если мы хотим защитить свободу, то должны потребовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику» (Поппер, 1992. Т. 2. С. 146).

Непригодность либеральной концепции невмешательства государства в экономику состоит в том, что современное государство перестает (а фактически – уже в реальности перестало быть) просто политической формой чего либо, государство и его деятельность становится почти основным экономическим игроком. Наблюдается тесное сплетение: экономика с каждым годом все сильнее оказывается под регулирующей ролью государства (как говорили раньше, идет «огосударствление» экономики), а государство все теснее сплетается с экономикой. Так, П. Самуэльсон и В. Нордхаус специально указывают: «Государство решает три основные экономические задачи: способствует повышению эффективности, обеспечению справедливости и макроэкономической стабильности и осуществлению экономического роста» (Самуэльсон, Нордхаус, 2005. С. 54). Из этого тезиса можно сделать тот вывод, что рынок как таковой, сам по себе не может создать экономический рост, макроэкономическую стабильность и повышение эффективности производства. Более того, нынешняя пандемия коронавируса убедительно показывает, что спонтанное рыночное развитие без государственного вмешательства просто губительно для людей. Многое меняется в обществе и в самой экономике. Тем самым появляются новые проблемы и задачи, которые призвана решать экономическая теория и политическая экономия.

Рост влияния государства на экономическое развитие является ныне почти общепризнанным фактом. С этим вынуждены соглашаться даже американские либерал-консерваторы, очень боящиеся новых, современных мнений. Так, американский либерал Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» (Хиггс, 2016. С. 9). И дальше: «Даже простое перечисление многочисленных полномочий государства займет несколько томов, потому что его влияние затрагивает все: фермы, заводы и магазины; жилища, школы и больницы; науку и технологии; и даже отдых и развлечения» (Там же. С. 24). Или вот наблюдение другого американского экономиста, Ч. Уилэн: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала

по меньшей мере 10 % мяса» (Уилэн, 2005. С. 309). Тут уместно задуматься о судьбе американской рыночной экономике. Ведь в рыночной экономике, как известно, предложение зависит от спроса. И если на рынке предлагается продукт худшего качества, в данном случае пицца с недостаточным содержанием мяса, то покупатель отвернется от такого товара и будет покупать пиццу более качественную. Производитель некачественного продукта понесет убытки и в конце концов уйдет с рынка. Это спонтанный механизм «невидимой руки» рынка, когда экономика развивается стихийным образом и не требует государственного вмешательства. Это стандартная позиция либеральных экономистов, что и отражается в их книгах и учебниках. А вот американское государство в лице Министерства сельского хозяйства США предписывает специальные нормативы по изготовлению мясной пиццы. Тут и возникает вопрос о судьбе американской рыночной экономики – есть ли в США рынок?! Предельно ясно о этом пишет Дж. Стиглиц, «то, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» (Стиглиц, 1997. С. 11). У нас в Советском Союзе примерно так все и было. Правда в СССР государство руководило всем прямо и откровенно, и мало кто говорил о рыночной экономике. А вот в США на словах либеральная рыночная экономика, и на деле полное господство государственного регулирования, в том числе и планирование. Еще в свое время Дж. К. Гэлбрейт писал: «Наша экономическая система, под какой бы формальной идеологической вывеской она не скрывалась, в существенной своей части представляет собой плановую экономику» (Гэлбрейт, 1969. С. 41).

Надо сказать, что в советской экономической литературе вопрос об экономической роли государства ставился неоднократно. Достаточно упомянуть школу Н.А. Цаголова в МГУ, где прямо говорилось что государство есть элемент экономического базиса (Цаголов, 1973). И современные представители этой школы продолжают развивать аналогичные идеи (Бузгалин, 2019; Колганов, 2019). Сегодня это положение получает все более широкое представительство.

Итак, масштабы экономического регулирования со стороны государства растут. Главной причиной роста объема государственной деятельности, на наш взгляд, является переход производства на новый технологический уклад, что находит отражение в изменении и экономической организации общества. Известно, что современное производство вместо индивидуального производителя характерно очень сложной кооперацией разных производителей и их объединений. Современная технологическая и стало быть, производственная парадигма кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Как говорит наш президент, «модель современного капитализма себя исчерпала». Своеобразное «обобществление производства», о чем много писали еще советские экономисты, становится сегодня очевидным фактом. Более того, информационные технологии, которые сегодня имеют все более существенное значение, делают государство самым основным экономическим актором. Ибо информация сама по себе не является товаром и только государство способно придать ей экономический вес и значение.

Таким образом, государство все больше начинает выполнять разнообразные общественные и главные экономические функции, что делает возможным понимание государства в качестве экономического института современного общества.

Тем самым, изменяется понимание и самой экономики, которая переходит в новое качество. В какой-то мере нечто подобное можно обнаружить в концепции «государства всеобщего благосостояния» (welfare state), где государство в лице правительства проводит политику, ориентированную на бесплатное или весьма доступное образование, здравоохранение, жилищное строительство, социальное обеспечение пожилых, инвалидов, материальной помощи больным, безработным. Государство в данном случае может рассматриваться как некоторый противовес рынку, как механизм, ограничивающий и корректирующий рыночное самодействие. «Правительства, – пишет известный американский экономист Л. Туроу, – всегда активно использовались для изменения результатов рыночного хозяйства с целью более равномерного распределения доходов с тем, какое рынок произвел бы сам по себе» (Туроу, 1999. С. 288).

Известно, что сегодня почти все основные экономически развитые страны показывают все большую долю государства в распределении валового национального продукта. Так, по некоторым данным, в таких странах, как Швеция, Норвегия, Нидерланды и некоторые другие, уровень государственных расходов составляет более 50% ВВП, при среднеевропейском уровне в 40-45%. В России этот показатель с 1992 г. составляет примерно 30%, что является достаточно низким по сравнению с европейскими странами. При таком положении трудно обеспечить государственную политику, нацеленную на обеспечение успешной модернизации. Сильное и способное государство необходимо не просто так, а для обеспечения целесообразного, разумного, сбалансированного развития общества. Целесообразная и сознательная деятельность государства может выражаться только в различных формах народнохозяйственного и социального планирования, т.е. осознанной и одобренной большинством населения политики.

К вопросу о ноономике

Экономика – это, вообще говоря, способ удовлетворения общественных потребностей. Высокие технологии и новая индустриализация (иногда называемая «неоиндустриализацией») есть результат научного знания, что составляет фундамент современной экономики, но и ближайшее будущее всего человечества зависит от научного знания. Наука и научные знания уже сегодня становятся ведущим фактором общественного производства. Конечно, речь идет не просто о любом знании, а именно о научном знании, полученном в результате теоретической и экспериментальной работы ученых, и прикладном знании, являющемся продуктом их применения. Поэтому можно говорить о переходе к новой форме удовлетворения общественных потребностей, базирующейся на приоритете знания, или ноономике (Бодрунов, 2018. С. 167).

Новый термин «ноономика» достаточно содержательный и в целом навеян теорией В.И. Вернадского. Как известно, в теории ноосферы В.И. Вернадского «ноо» – это разумная человеческая деятельность, которая в настоящее время является ведущим фактором развития естественной среды обитания человечества. Согласно этой теории, сознательная человеческая деятельность, направленная на удовлетворение разнообразных потребностей общества, должна базироваться на именно на научном знании. И действительно, люди уже давно живут в придуманном, искусственном физическом и техническом мире. Жилые здания, транспорт-

ные средства, средства связи, даже одежда – все это придумано человеческим разумом и многое на основе научного знания. Нынешняя человеческая цивилизация – это, собственно, и есть «онаученное» общество, общество знаний. Но если человечество придумало и создало техническую среду обитания, то и социальная, в том числе, и экономическая среда должны быть устроены на основе разума и научного знания. И это объективно необходимая тенденция.

К сегодняшнему дню экономическая наука не может похвастаться большими успехами в нормализации экономического развития. Экономику многих стран сотрясают экономические кризисы, многие люди в мире испытывают голод, неизлечимые болезни, социально-экономическое неравенство, существует безработица и даже в благополучных европейских странах многие люди недовольны своим материальным положением. Однако прогресс цивилизации все же есть. Научное знание с развертыванием нового технологического уклада, высоких технологий, в том числе цифровых, подрывает основы спонтанного экономического развития, заставляя государство подправлять его научно обоснованным, т.е. знаниеемким развитием. Так, знания превращаются в основной ресурс индустриально-технологического и общественного развития (Бодрунов, 2018. С. 74).

Один из базовых смыслов термина «ноономика» заключается в том, что научное знание начинает играть основную роль в экономическом развитии и заменяет стихийное экономическое развитие сознательной и целеполагающей деятельностью людей. Сегодня мировое общественное развитие натолкнулось на многие серьезные кризисы, из которых на основе либеральной экономической модели и, как обычно говорят либералы австрийской школы, «спонтанного экономического развития», просто нет выхода. Однако некоторые заокеанские экономисты, не понимая сути современных проблем экономического развития, продолжают настойчиво говорить, что спонтанному, т.е. хаотическому экономическому развитию нет альтернативы. Так, например, пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек: «Спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем их индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере» (Хайек, 2011. С. 10). Правда, уважаемый экономист не объясняет, реально ли «спонтанным» сотрудничеством создать электрическую лампочку, автомобиль, компьютер или самолет, не говоря уже о более сложных вещах (например, атомной бомбе). Все это и многое другое само собой не появляется из хаоса экономической жизни на базе обычной рыночной конкуренции.

При этом появляется принципиально иная область осознания социальных и экономических процессов, где роль и значение обычной рыночной экономики минимизируется. В этой области социального понимания и содержится смысл и значение понятия «ноономика».

Как уже говорилось, меняется понимание самой экономики. Современная экономика – это уже не спонтанный хаос разнонаправленных действий отдельных людей, когда не только рынок, а государство регулирует многие экономические процессы. И это есть объективный и неизбежный процесс. Новейшие технологии производства трансформируют государство, либеральное государство позапрошлого века уходит в прошлое. И при этом не обнаруживается ренессанса рыночных отношений и частной собственности, рыночная (денежная) форма «постепенно выхолащивается и отмирает» (Бодрунов, 2018. С. 197). Эти процессы провоцируют

кризисные явления в экономике, всегда сопровождающее переход ее в новое состояние. Однако на данном этапе, когда мощь современных технологий достигла порога, за которым неразумное, «спонтанное» их применение чревато гибелью цивилизации, обойтись без общественного контроля, реализуемого с помощью единственно на данном этапе достаточного инструмента в лице государства, невозможно. Именно поэтому на данном этапе регулирующая и контролирующая роль государства возрастает.

Сегодня человеческая цивилизация подвержена многим угрозам, исходящим и от плохо контролируемого развития техносферы, и от деградации природной среды (например, потепление климата), и от посягательств на природу самого человека (например, современная пандемия), и от неравномерности развития различных стран, и от вызванных всем этим социальных конфликтов. И напрашивается вывод, что человечество подошло к пределу эффективности существующей модели развития (Бодрунов, 2018. С. 56). Этот тезис можно встретить у многих авторов. Так, профессор Кембриджского университета Э. Гэмбл в книге с характерным названием: «Кризис без конца? Крах западного процветания» пишет: «До сих пор не видно конца более глубокому кризису неолиберального порядка, ярким знаменем которого стал крах 2008 г. Мы являемся свидетелями лишь ранней стадии этого кризиса» (Гэмбл, 2018. С. 15).

Таким образом, напрашивается заключение, что человечество сегодня подошло к некому пределу в существующей форме развития. И напрашивается дилемма, что ждет людей в будущем: тупик или путь к «разумному человеку и обществу»? Понятно, что у человечества просто нет выбора. Или погибать, или развиваться в направлении – к разумному человеку и обществу, которое будет устроено не спонтанным образом, т.е. «как придется», а на основе научного знания.

При всем этом надо иметь в виду, что знание – это особый продукт человеческой деятельности. Знание по своей естественной природе в отличие от обычного материального продукта неуничтожимо в процессе потребления. А иногда даже может увеличиваться в процессе потребления, когда пользователь что-то уточняет и дополняет, т.е. обогащает полученное знание новыми элементами. При этом напрашивается вывод, что знание, даже функционируя как экономический продукт, все же не может быть обычным товаром в традиционном понимании, т.е. рыночным продуктом. Обычный товар в процессе потребления утрачивается, а знание всегда остается с человеком. Таким образом, знаниеемкое производство, в которое человек вступает с переходом к новому технологическому укладу на этапе цивилизационного развития, которое один из авторов настоящей статьи называет НИО.2 (Бодрунов, 2018. С. 94) – новое индустриальное общество второго поколения (предлагая считать эпоху нового индустриального общества Д.К. Гэлбрейта поколением первым) – уже не есть обычная рыночная экономика позапрошлого века. Поэтому и обычные, т.е. рыночные экономические регуляторы уходят в прошлое. И именно этот этап характеризуется «обэкономичиванием» государства как особого института регулирования переходных экономических процессов.

Классическая политическая экономия как правило объясняла рыночную экономику, т.е. рыночные взаимоотношения людей через обмен вещами. Или как писали в книгах той эпохи, отношения между людьми «прикрытые вещами». Конечно, такие отношения в определенной мере сохраняются и сегодня. Более того, в искри-

вленной, «сбрендившей» (от слова «бренд», хорошо показывающего «симулякротивность» сегодняшней экономической реальности) современной экономике уже не просто вещи для людей, а люди начинают угождать вещам. Например, когда модные бренды заставляют с виду вполне нормальных людей платить большие деньги за новый автомобиль или брюки. Эту ситуацию следует определять миром создания и навязывания товаров-симулякров, которые призваны удовлетворять особые симулятивные, т.е. фальшивые потребности людей. Но большинство отношений между людьми, которые заняты в производстве и потреблении вещей (а также услуг) регулируются уже рыночным обменом, а государством и со все большим размахом. Продукты питания, жилье, лекарства, транспорт и многое другое, что обеспечивает жизнедеятельность массы простых людей, находится под непосредственным контролем государства. Хороший недавний пример всему этому – обеспеченность газом многих европейских стран. Об этом думают и беспокоятся не столько простые люди и частный бизнес, сколько правительства, т.е. государство. Таким образом, именно государство и прежде всего оно, обеспокоено не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т.е. «потребностями благоустроенного общежития». Конечно, рыночный обмен остается, но цель государственного регулирования общественного производства уже иная. Сама экономика из сферы, где индивидуальный производитель стремится к максимизации прибыли, ныне превращается в сферу, где уже государство стремится к максимизации общественной полезности. В этой новой экономике набирают силу тренды, объективно противостоящие возгонке ее финансиализации и симулятивности – к примеру, шеринговая экономика, диффузия института собственности и др. И эти процессы, длящиеся и ширящиеся во времени, идут, постепенно стирая традиционное экономическое пространство, прокладывая путь к пространству не-симулятивного и солидарного потребления, основанного на ноопотребностях людей; в этом процессе роль государства как общественного института, соединяющего все более в единое целое экономические, социальные и регулятивные аспекты жизни общества и обеспечивающего его безопасное и рациональное функционирование, является уникальной.

Безусловно, важнейшей функцией государства на этапе НИО.2 как общественного института является усиление социализации общества, формирование и целенаправленное укрепление институций, призванных расширять пространство нооценностей, постепенную трансформацию человека, мотивацию его деятельности в соответствии с критериями разума, с ноокритериальной базой нового общественного устройства. При этом, очевидно, в рамках этого процесса будет трансформироваться и само государство, постепенно превращаясь из института «принуждения» в институт согласования общественных интересов и развития человека, вплоть до полного изменения своей сущности на этапе перехода к нооэкономике. В этом смысле традиционное, «старое» государство, изменив свои функции, отомрет, породив новый институт управления развитием общества.

В новых условиях перехода многих экономически развитых стран к «обществу знаний», некоторые сферы человеческой жизни-деятельности выпадают из-под рыночного регулирования (наука, образование, культура). Выводы, согласно которым в сферах творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы ослабевают и перестают работать, уже много лет развиваются в новой

социально-экономической науке. При этом экономика не сводится просто к рынку, а распространяется на большое поле человеческой деятельности, где, казалось бы, прежний экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает играть заметную роль. Но в новой экономике ситуация меняется принципиально. Ведь, затраты труда и средств и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получения большего удовольствия и благополучия, т.е. в приращении общественной полезности. При этом уместно привести известное высказывание К. Маркса, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» (Маркс, 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 117). И это правильно, ибо главная ценность для человека и общества – это время. Не прибыль, а время – вот новый смысл новой экономики (ноономики).

Образование и культура: новое качество политической экономии

Традиционно в советской политической экономии экономическая сфера рассматривалась как основа общественного устройства, как базис, который служил основой надстройки над базисом. К надстройке относили в определенной степени социальную сферу, почти целиком идеологическую сферу, а также политическую. Поэтому считалось, что в развитии общества доминировала и многое определяла экономическая сфера. «Реальный базис, - как писал К. Маркс, - на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще» (Маркс, 1959. Т. 13. С. 7). Но К. Маркс это писал во времена либерального капитализма, когда доминировала экономическая необходимость и господствовали требования рыночной экономики, где, как уже отмечалось, государство сводилось к функциям только политической формы экономического процесса.

При таком подходе, видимо, было нормальным культуру располагать за пределами экономики, а образование включать в экономику лишь как сферу подготовки квалифицированных кадров для производства материальных благ. В индустриальную эпоху человек рассматривался как придаток машинного производства, который должен был иметь нужную специальность и квалификацию. И, наверное, это было оправдано для эпохи становления массового индустриального производства и обеспечения общества массовыми материальными благами. Сам человек не должен и не может сводиться только к коммерческой выгоде, человек и все человеческое существенно шире, чем погоня за прибылью. Человека, таким образом, нельзя рассматривать в качестве элемента рыночного механизма. Следовательно, и профессиональное образование нельзя понимать, как рыночный процесс для извлечения прибыли. Культура же никогда, кроме ярмарочных балаганов, не рассматривалась как отрасль рыночной экономики. Как пишет современный исследователь, «конкурентные отношения в рыночном понимании в сфере культуры невозможны» (Музычук, 2017. С. 24). Действительно, например, Большой театр соревнуется с Малым театром за зрительские симпатии, благо что они расположены рядом. Но конкуренции в рыночном смысле между ними нет, ибо Большой театр не собирается поглотить Малый и превратиться в монополиста. Надеемся, во всяком случае.

Однако, с перерастанием государства в экономического актора появился соблазн все сферы общества рассматривать как элементы рыночного процесса.

И процесс образования иногда начали трактовать как «рынок образовательных услуг», а «производство знаний» как производство товаров. Так к этому вопросу подходил известный американский экономист Ф. Махлуп, который в начале 1960-х гг. писал: «Производство знаний – это область экономической деятельности; можно даже назвать ее отраслью промышленности» (Махлуп, 1966. С. 37). Однако, экономическая деятельность в рыночных условиях нацелена только на извлечение прибыли и ничего больше. Производство же знаний и их передача (т.е. образование) имели целью получение прибыли лишь на первых стадиях индустриального развития. И то – лишь частично. Вспомним, что первые университеты, которые появились в Европе еще в XII веке, совсем не преследовали цели получения прибыли. Наверное, и сегодня рассматривать классический университет как обычное коммерческое предприятие, наподобие пивного завода, мало кто решится. И так, представляется, что рассматривать «производство знаний» исключительно как отрасль промышленности граничит с полной абсурдностью.

Как уже отмечалось, знания не может быть товаром, их не покупают, а получают, их не продают, а передают или распространяют. Конечно, существуют институты, искусственно в рыночных целях ограничивающие использование тех или иных «квантов» знания – патентное закрепление, институт интеллектуальной собственности и т.п. Например, можно организовать платные курсы кройки и шитья, и внешне (по форме) это будет походило на платную рыночную услугу вроде парикмахерской. Но нельзя путать форму и содержание. Участник этих курсов платит не за знания, а за работу преподавателя. Если из парикмахерской посетитель в любом случае уходит стриженным в зависимости от величины заплаченных денег, а не от своих собственных усилий, то с курсов обучения, даже «чрезвычайно платных», их участник (ученик) уходит, обогащенный знаниями, в прямой зависимости от своих собственных усилий. Некоторые уходят вообще без всяких знаний, хотя исправно заплатили положенную сумму денег. Теоретически образование нельзя трактовать как услугу. Как известно, университет не есть парикмахерская. Это – особая социально-гуманитарная сфера развития общества.

Но, как уже отмечалось, если современное государство становится основным экономическим актором, то культура и образование, которые всегда были под патернализмом государства, превращаются в особые отрасли экономики. При этом надо иметь в виду, что сама экономика приобретает новое качество. «Необходимость, – пишет В.Ю. Музычук, – выделения культуры, науки, образования в отдельный, так называемый гуманитарный, сектор экономики обусловлена наличием общих «родовых» черт, не позволяющих этим отраслям функционировать в условиях рыночного механизма хозяйствования без патерналистской опеки государства. Высокая социальная полезность входит в противоречие с эффективностью бизнес-моделей, по которым оценивается их деятельность» (Музычук, 2017. С. 6). Таким образом, если культуру и образование, которые не являются рыночными феноменами, рассматривать как часть экономической системы, то и последняя теряет многие рыночные характеристики. Основой всего этого новая роль государства.

О постклассической политической экономии

Политическая экономия в России имеет большую и интересную историю. Поначалу это была простая трансляция западной экономической мысли. Но уже

с XIX века можно обнаружить в России оригинальные и самобытные политэкономические сочинения. И главный стержень политэкономических размышлений российских ученых концентрировался вокруг проблем путей развития страны в ближайшей перспективе. Наиболее отчетливо это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами в последней четверти XIX века. Именно эта дискуссия о путях социально-экономического развития России стала начальным этапом в развитии политической экономии как самобытной отечественной науки в стране. С тех пор политическая экономия в российской интеллектуальной традиции несет, кроме прочего, мировоззренческую, философскую и социальную нагрузку.

Когда-то «на Западе» политическая экономия имела такое же социальное содержание. Но ныне в этих странах мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим наукам – прежде всего, к социологии и политологии. Возьмем работы известных западных социологов: Д. Белла, И. Валлерстайна, Дж. К. Гэлбрейта, Р. Дарендорфа, Л. Туроу и др.; с нашей российской точки зрения, это – типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем работы наших известных политэкономов – Л.И. Абалкина, Я.А. Кронрода, В.А. Медведева, Д.Е. Сорокина, Н.А. Цаголова и др.; с западной точки зрения, это – характерные социологические произведения.

Таким образом, хотя социология как наука у нас в стране развивается уже не один десяток лет, но на широкие мировоззренческие обобщения она пока, вообще говоря, «руку не подняла». Так, например, отечественный очень крупный наш социолог Т.И. Заславская (1927-2013) по сути дела была политэкономом, окончив экономфак МГУ и работая потом 13 лет в секторе политической экономии Института экономики АН СССР. Так что эту мировоззренческую функцию у нас в стране продолжает исполнять политическая экономия. И это – наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия как наука продолжает составлять основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. И естественно, что «отмена» политической экономии как научной и образовательной дисциплины, отказ от использования ее методологии и инструментария разваливает не только экономическую науку, которая превращается в американизированный набор различных теорий, методов, «кривых и формул», но и делает бессистемной всю социальную науку. Американизация нашей отечественной экономической науки, замена политической экономии американским «экономиксом» вообще вызывает много вопросов и недоумение у отечественных экономистов.

Политическая экономия, как уже говорилось, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. Но суть дела состоит в том, что эта форма в современном западном обществе существенно трансформируется. Люди не просто обмениваются трудом и товарами, но все это совершается в новых социальных рамках, определяемых государством. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, наличие и расширение среднего класса не только приглушает классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. Таким образом, меняются сами основы рыночной экономики. Усиление роли государства в распределительных процессах (как уже отмечалось, почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бед-

ностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют фундаментальные основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег, т.е. денег ничем не обеспеченных, кроме политических обязательств правительства, выбивает объективную основу из-под рыночной экономики. Так можно задаться вопросом: фидуциарные деньги – это предмет изучения политической экономии или политологии?

При всем при том, полагая, что проблематика классической политической экономии трансформируется, все же пока она еще есть и нуждается в политэкономическом осмыслении. Например, как осмысливать те же фидуциарные деньги, процент за кредит, поиск ренты, социально-экономическое неравенство и т.д.? Или обратимся к такой проблеме как материальное производство. Уже много лет число занятых в отраслях материального производства имеет тенденцию к сокращению. Как-то Р. Дарендорф подсчитал, что в обычной стране ОЭСР на работу в материальном производстве затрачивается лишь 1% годового объема времени всего населения страны. Здесь и возникает вопрос об исчезновении классического материального производства. Неужели человечество может прожить без материального производства? Политическая экономия, как известно, не изучает собственно материальное производство, она рассматривает его лишь в качестве вещной формы взаимоотношений людей. Однако, феномен сокращения числа занятых в материальном производстве должна объяснять именно политическая экономия.

Вместе с тем появляются новые проблемы и процессы, осмысление которых придает классической политической экономии в новое качество, что порой обозначают термином «новая политическая экономия» Дж. Бьюкенен. Смысл этой трансформации заключается в распространении политэкономического (или экономического) метода исследования на вопросы, которые ранее не являлись предметом политэкономического исследования. Вот некоторые названия работ и исследований, опубликованных или доложенных на научных конференциях западными исследователями в последние годы: политическая экономия пространства, политическая экономия общественного выбора, политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии, геополитэкономия и т.п. Таких работ много и не все они удачны. Но специфика их заключается в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать новые для политэкономии проблемы. Вместе с изменением экономики трансформируется и политическая экономия. М.И. Туган-Барановский в свое время писал, что в пострыночном обществе политическая экономия «частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе – социологии» (Туган-Барановский, 1915. С. 20). Возможно, так и будет. По крайней мере в американской практике многие политэкономические проблемы изучает именно социология. Но у нас в России другая традиция и социология не заменяет политическую экономию.

Итак, сделаем некоторые итоговые выводы о будущности политической экономии в России и в мире. Уже говорилось, что основной проблемой классической политической экономии был социальный конфликт между работодателем и рабочими как определяющий конфликт в распределении продукта. Это относится к классической политической экономии, когда был актуален «рабочий вопрос».

В сегодняшнем мире этот вопрос еще существует, но возрастает значение других вопросов: проблема неравенства и социальной справедливости, методах достижения общественной гармонии и социального консенсуса, проблема общественных благ и экономической эффективности, наконец, экологии и социального рыночного хозяйства. Все это и есть новое проблемное поле для постклассической политической экономии. Вопрос заключается в определении места и роли как старой классической, так и новой постклассической политической экономии в системе современного социального знания.

И, конечно, исследование трансформации государства, всего спектра его взаимоотношений с обществом не выпадает из этой системы. Но надо, еще раз подчеркнем, иметь в виду, что и сама экономика сегодня приобретает новое качество. Поэтому мы и говорим о новой экономике – экономике этапа НИО.2, и о ноономике, а также о роли и сущности государства на этих этапах цивилизационного развития, его трансформации – через призму методологии постклассической политэкономии.

Заключение

Как уже говорилось, современное государство, все более разбухая и погружаясь в экономику, превращается в главного экономического регулятора. Хорошо это или плохо – вопрос сложный. Так, если рост полномочий государства ведет к рациональным установкам (например, обязательные для всех правила орфографии или правила уличного движения, экологические нормативы, государственные стандарты качества продуктов и т.д.), то это, видимо, хорошо. Если же государственные установки переходят рациональные границы (например, правительство устанавливает норматив куриного поголовья в домашнем хозяйстве или размер цветочных горшков, как это бывает в США), то это просто плохо. Жизнь общества, как писал Г. Спенсер, должна основываться на мирных занятиях людей, «не стесняемых ничем, кроме потребностей благоустроенного общежития» (Спенсер, 2007. С. 81).

При этом напрашивается следующий вопрос: какая наука должна изучать государство как главного «благоустроителя» общества? Пока еще основная экономическая наука, которая служит фундаментом для изучения экономики – это политическая экономия. Стало быть, государство становится предметом исследования политической экономии. Но, как уже говорилось, классическая политическая экономия изучала рыночную экономику, т.е. взаимоотношения людей, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются еще и в современной экономике. Но основные отношения между людьми регулируются уже не «вещами» (т.е. рыночным обменом вещей), а государством. Государство же в процессе регулирования всех сфер экономики руководствуется не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т.е. «потребностями благоустроенного общежития». Конечно, значение прибыли и рыночного обмена сохраняется, но цель государственного регулирования принципиально иная. Вполне возможно, что государство в свою цель максимизации общественной полезности вводит и обеспечение максимизации прибыли для индивидуальных производителей. Государство пока не отвергает экономический индивидуализм, но уже все более настойчиво гармонизирует его с общественными интересами.

Таким образом, у политической экономии изменяется предмет ее изучения: на первый план выходит изучение и объяснение процессов достижения общественной полезности, что позволяет говорить о новой политэкономии или пост-классической политической экономии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодрунов С.Д.* (2018). Ноономика. М.: Культурная революция.
- Бузгалин А.В.* (2019). Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Экономическая наука современной России. № 3. С. 7-18.
- Гайдар Е.* (1995). Государство и эволюция. М.: Изд-во «Евразия».
- Гэлбрейт Дж.* (1969). Новое индустриальное общество. М.: Прогресс.
- Гэмбл Э.* (2018). Кризис без конца? Крах западного процветания. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Колганов А.И.* (2019). Будущее государство в экономике: российские дискуссии и их международный контекст // Экономическая наука современной России. № 3. С. 18-29.
- Маркс К.* (1959). К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат.
- Маркс К.* (1968). Экономические рукописи 1857-1859 годов. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Госполитиздат.
- Махлуп Ф.* (1966). Производство и распространение знаний в США. М.: «Прогресс».
- Музычук В.Ю.* (2017). Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России? М.: ИЭ РАН.
- Плеханов Г.В.* (1956). Избранные философские произведения в 5 тт. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы.
- Поппер К.* (1992). Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива».
- Самуэльсон П., Нордхаус В.* (2005). Экономика. 16-е изд. М.: ИД «Вильямс».
- Спенсер Г.* (2007). Личность и государство. Челябинск: Социум.
- Стиглиц Дж.* (1997). Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ, ИН-ФРА-М.
- Туган-Барановский М.И.* (1915). Основы политической экономии. Петроград.
- Туроу Л.* (1999). Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: «Сибирский хронограф».
- Уилэн Ч.* (2005). Голая экономика. Разоблачение унылой науки. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес».
- Хайек Ф.А.* (2011). Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум.
- Хиггс Р.* (2016). Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум.
- Хомский Н.* (2012). Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн.
- Цаголов Н.А.* (1973). Курс политической экономии. В 2-тт. Т. 2. М.: Экономика.

© 2021

Sergey D. Bodrunov¹, Michael I. Voeykov²

THE STATE, NOONOMY AND POST-CLASSICAL POLITICAL ECONOMY*

Keywords: *State, new economy, noonomy, technological order, market regulation, social utility, political economy.*

The article examines the new role played by the state as a deliberate economic actor. The basis here is provided by the direct activity of the state in regulating the economy, as is characteristic of all economically developed countries. But at the same time, market regulators are beginning to die away, and are already fulfilling a secondary role. This situation is resulting in a change to the economy itself, with the previous goal of development—the maximising of profits—being replaced by the maximising of social utility. The degree and significance of conscious economic regulation, whose basis is scientific knowledge, is increasing. A new quality of the economy, designated by the article as noonomy, is emerging; this is steeped in scientific knowledge and in planned, considered regulation. The objective basis of this process is a new technological order within which production is permeated by complex technological systems, and for which knowledge-intensive production is a primary requirement. All this is serving to bring changes to political economy. In place of the classical political economy that concentrated on research into questions of market production and exchange, the new political economy or post-classical political economy studies the relations between people from the angle of social utility, that is, the exchanging of knowledge, information and activity with the goal of achieving economies in the use of social time.

REFERENCES

Bodrunov S.D. (2018) *Noonomics*. M.: Cultural revolution.

Buzgalin A.V. (2019) The state in the economy of the XXI century: political and economic interpretation // *Economic science of modern Russia*. № 3. Pp. 7-18.

¹ **Sergey D. Bodrunov**, Doctor of Economics, Professor, Director of the Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society (VEO) of Russia, President of the International Union of Economists (IUE), Moscow, Russia (*inir@inir.ru*).

² **Michael I. Voeykov**, Dr. of Science (Economics), Professor, Head of the Political Economy Section, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*mvok1943@mail.ru*).

* **JEL codes:** B41, B52, O33.

Citation: Bodrunov S.D., Voeykov M.I. (2021). The state, noonomy and postclassical political economy. *Problems in Political Economy*, № 4 (28): 22-37.

DOI: <https://zenodo.org/record/5838322>

- Chomsky N.* (2012) State of the future. M.: Alpina non-fiction.
- Gaidar E.* (1995) State and evolution. M.: Publishing house "Eurasia".
- Galbraith John.* (1969) The New Industrial State. M.: Progress.
- Gamble A.* (2018) An endless crisis? The collapse of Western prosperity. M.: Publishing house. house of the Higher School of Economics.
- Hayek F.A.* (2011) Individualism and economic order. Chelyabinsk: Society.
- Higgs R.* (2016) Crisis and Leviathan: Turning Points in US Government Growth. M.; Chelyabinsk: IRISEN, Socium.
- Kolganov A.I.* (2019) The future state in the economy: Russian discussions and their international context // Economic science of modern Russia. № 3. Pp. 18-29.
- Machlup F.* (1966) Knowledge production and dissemination in the United States. M.: "Progress".
- Marx K.* (1959) To the criticism of political economy. Marx K. and Engels F. Soch., 2nd ed. Vol. 13. M.: Gospolitizdat.
- Marx K.* (1968) Economic manuscripts of 1857-1859. Marx K. and Engels F. Soch., 2nd ed. Vol. 46. M.: Gospolitizdat.
- Muzychuk V.Yu.* (2017) State Paternalism in the Sphere of Culture: What's Wrong with the Pater's Attitudes in Russia? M.: IE RAN.
- Plekhanov G.V.* (1956) Selected philosophical works in 5 volumes. Vol. 1. M.: Publishing house of socio-economic literature.
- Popper K.* (1992) Open Society and Its Enemies. In 2 vols. M.: Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative".
- Samuelson P., Nordhaus V.* (2005) Economy. 16th ed. M.: Publishing house "Williams".
- Spencer G.* (2007) Personality and state. Chelyabinsk: Socium.
- Stiglitz J.* (1997) Public sector economics. M.: Publishing house of Moscow State University, INFRA-M.
- Throw L.* (1999) The future of capitalism. How today's economic forces are shaping tomorrow's world. Novosibirsk: "Siberian Chronograph".
- Tsagolov N.A.* (1973) Political Economy Course. In 2 vols. Vol. 2. M.: Economics.
- Tugan-Baranovsky M.I.* (1915) Foundations of Political Economy. Petrograd.
- Wheelen C.* (2005) Naked economics. Exposing dull science. M.: CJSC "Olymp-Business".